

Династия Ань

Под управлением столичного округа Чанпин, за пределами уезда Аньхэ, находилась деревня Сяохэ. Деревня, не знавшая промышленного загрязнения, утопала в чистых горах и прозрачных водах; небо было особенно глубокого лазурного цвета, по нему неторопливо плыли белые облака, и вся эта картина была прекрасна, словно кадр из анимационного фильма.

— Кхе... кхе-кхе...

Из деревянного дома у кромки небольшой рощицы донёсся кашель. Нин Гуйчжу перевёл дыхание, опёрся на постель и с трудом сел, оглядывая незнакомую обстановку.

Впрочем, назвать её совершенно чужой тоже было нельзя.

Теперь в его голове, помимо девятнадцати лет жизни в современном мире, существовали ещё и девятнадцать лет, прожитые в древности. Эти воспоминания переплелись между собой, и каждый эпизод ощущался так, будто он пережил его собственными руками, из-за чего становилось невозможно отличить подлинное от вымышленного.

Болели колени, болела голова, саднило горло.

Совсем недавно это тело было наказано - его заставили стоять на коленях двое суток подряд, а затем ещё и трясли всю дорогу до уезда Аньхэ; то, что вчера он сумел дотянуть до свадебного обряда и завершить его, уже само по себе казалось невероятным.

Подумав об этом, Нин Гуйчжу на миг замер. Он вышел замуж.

Он никогда не представлял себе, что у него вообще будет день свадьбы, тем более с совершенно незнакомым мужчиной, которого он даже ни разу не видел.

В феодальную эпоху, пусть ныне власть и была относительно справедливой, простым людям всё равно было не под силу противостоять тем, кто обладал властью и влиянием. Вспоминая семью Сюн, с которой он столкнулся на свадьбе, Нин Гуйчжу снова тихо закашлялся, и с губ вновь сорвался глухой, сдержанный кашель.

— Очнулся?

С этими словами в дверь вошла молодая женщина. В руках она держала чашку, от которой тянуло горьким запахом; Нин Гуйчжу машинально нахмурился. В прежней, современной жизни он рано лишился обоих родителей, несколько лет прожил с дедушкой и бабушкой, но и они вскоре ушли из жизни. После этого ему оставалось полагаться на государственные пособия и собственные подработки, чтобы как-то учиться и не голодать. Жилось тяжело, но если немного ужаться, на западные лекарства всё же можно было наскрести.

Женщина присела боком у кровати и сказала:

— Я твоя старшая невестка, Ван Чуньхуа. Ну же, выпей лекарство.

— Спасибо... — Нин Гуйчжу открыл рот и тут же понял, насколько у него охрип голос; он сделал паузу и добавил обращение: — Старшая невестка.

— Ой, да что ты такой вежливый, за что тут благодарить, — улыбнулась Ван Чуньхуа и поднесла чашку с лекарством к его губам.

Нин Гуйчжу поддержал чашку рукой и, уловив особенно горький запах отвара, стиснул зубы, зажмурился и одним духом выпил всё до конца. В тот же миг его накрыла волна тошноты.

Увидев, что он допил лекарство, Ван Чуньхуа поднялась.

— На кухне ещё тёплая еда стоит, я сейчас принесу.

Не успела она договорить, как уже поспешно вышла. Нин Гуйчжу прикрыл рот рукой и медленно откинулся на спинку кровати, чувствуя, как с трудом подавленная горечь разливается по всему телу, отдаваясь в голове пульсирующей болью.

Ван Чуньхуа действовала проворно и вскоре вернулась с едой. Называлось это, конечно, едой, но на деле перед ним стояла чашка каши из нешлифованного риса - от одного глотка першило в горле; овощи тоже были полевыми, дикими. Впрочем, рис очистили старательно, а в овощах ощущался лёгкий мясной привкус, так что по меркам деревни в древности это считалось вполне приличной пищей. Но это тело долгие годы жило при богатом доме, служа молодому господину, и после этого резко перейти на такой грубый рацион было для него настоящим испытанием.

Нин Гуйчжу выпил одну чашу каши из нешлифованного риса, а овощи оставил больше, чем наполовину, после чего покачал головой, показывая, что наелся.

Увидев это, Ван Чуньхуа сначала поднялась, унесла блюда на кухню и убрала их в шкаф, заперев деревянным замком, и лишь затем вернулась в комнату. Глядя на Нин Гуйчжу, которого после лекарства уже начало клонить в сон, она сказала:

— Цзиньчжоу ушёл на службу в уездную управу, а мне тоже надо работать. Ты спи дома. Если вечером Цзиньчжоу задержится, я найду и принесу тебе еду, понял?

— Я запомнил, старшая невестка, ты иди, занимайся делами.

Нин Гуйчжу с трудом взбодрился, проводил Ван Чуньхуа взглядом и лишь после того, как она

ушла, снова опустился на постель.

Сильная простуда изматывала особенно тяжело. Нин Гуйчжу прикрыл глаза, рассеянно глядя в потолок и стараясь очистить мысли; две жизни, два набора воспоминаний переплетались в голове, и лишь спустя некоторое время он уловил ключевое слово из слов Ван Чуньхуа - Сюн Цзиньчжоу.

Сюн Цзиньчжоу - его муж... кажется, даже на год моложе его самого.

Начальник уездной стражи Аньхэ с дурной славой, о котором ходили разговоры, будто он и внешностью похож на медведя, и характером крайне тяжёлый человек, - именно такого человека сваха тщательно отобрала ему в мужья.

А «будто» - потому, что из-за путаницы в воспоминаниях Нин Гуйчжу никак не мог вспомнить его облик. Голова была мутной, мысли не складывались ни во что внятное, и, так ничего толком не обдумав, Нин Гуйчжу вновь погрузился в сон. В следующий раз он открыл глаза из-за звуков движения во дворе. Растерянно моргнув, очевидно, чуть придя в себя, он сел и почувствовал, что силы в теле немного прибавилось.

Нин Гуйчжу сел и, заметив одежду у изножья кровати, поднял её и осмотрел. В памяти всплыли фрагменты жизни в древности, и движения, с которыми он одевался, получались на удивление естественными, словно тот отрезок древней жизни и впрямь принадлежал ему самому.

Мысль мелькнула и тут же ушла, и Нин Гуйчжу не стал углубляться в неё. В таких вещах, как переселение душ и перерождение, никто не знал истинных причин, и всё, что он мог сделать, лишь помолиться и пожелать благополучия тому человеку, существовал он на самом деле или нет.

Скрип...

Дверь распахнули изнутри, и Сюн Цзиньчжоу поднял взгляд. У порога стоял фулан, которого он привёл в дом накануне: лицо его было пугающе бледным, и в чертах читалась явная болезненность. Длинные волосы свободно спадали на плечи, яркие черты казались теперь мягче; по сравнению со вчерашним днём страх и тревога, исходившие от него, заметно притупились.

Нин Гуйчжу чувствовал на себе пристальный взгляд и не смел даже пошевелиться. Сюн Цзиньчжоу был очень высоким, не меньше метра девяноста, с отчётливо проступающими мышцами; одного взгляда на него хватало, чтобы почувствовать угрозу. Он смотрел безо всякого выражения на лице, и от этого создавалось ощущение, будто на тебя уставился хищный зверь.

То, что Нин Гуйчжу не попятился назад прямо на месте, объяснялось лишь тем, что у него

подкашивались ноги.

Увидев, что тот всё это время не реагирует, Сюн Цзиньчжоу плотнее сжал губы и стал выглядеть ещё более грозным. Он поставил вещи, что держал в руках, выпрямился и сказал:

— Я пойду готовить.

Услышав эти слова, Нин Гуйчжу на мгновение опешил и невольно перевёл взгляд в сторону. Между кухней и спальней располагалась общая зала; сбоку перед кухней находился колодец, а рядом с ним стоял стол, на котором лежали свежие зелёные листья овощей.

Сюн Цзиньчжоу стоял к нему спиной у стола и перебирал овощи. Нельзя было не признать: именно такая поза Сюн Цзиньчжоу заставила Нин Гуйчжу внутренне выдохнуть. Он поднял руку, опёрся о дверной косяк, осторожно пошевелил ногами и, почувствовав, что силы понемногу возвращаются, сделал пару глубоких вдохов, приводя себя в порядок, после чего медленно, не торопясь, подошёл к Сюн Цзиньчжоу.

Сюн Цзиньчжоу поднял на него взгляд.

— ... — кадык Нин Гуйчжу дёрнулся; он с трудом нашёл пропавший голос. — Эм... давай я помогу.

Сюн Цзиньчжоу неожиданно отступил немного в сторону. Заметив такую реакцию, Нин Гуйчжу чуть расслабился, протянул руку, взял пучок овощей и тоже принялся их перебирать. Когда руки заняты делом, на душе становится спокойнее. Перебирая листья, Нин Гуйчжу не удержался и украдкой поглядывал на Сюн Цзиньчжоу. Тело, в котором он сейчас находился, и без того было невысоким, а рядом с Сюн Цзиньчжоу он казался ниже чуть ли не на целую голову. Впрочем, в этом было и своё удобство, по крайней мере, ему не приходилось встречаться с чужим взглядом лицом к лицу.

Создавать семью с таким явно агрессивным и совершенно незнакомым человеком - от одной этой мысли у Нин Гуйчжу каждая клетка будто кричала: «бежать». Но это было лишь ощущение. Побег вовсе не входил в его планы. Не говоря уже о прочем, одного того факта, что у него не было ни гроша за душой и что он только что попал в этот мир, совершенно в нём не разбираясь, хватало, чтобы вероятность успешного бегства стремилась к нулю.

А кроме того...

Вспомнив отношение Ван Чуньхуа и прибавив к этому только что проявленную реакцию Сюн Цзиньчжоу, Нин Гуйчжу почувствовал, что, возможно, остаться здесь будет не так уж плохо.

Ладно, дальше разберёмся по ходу дела.

Отобранные овощи сложили в таз, и Сюн Цзиньчжоу, действуя быстро и уверенно, взял его и пошёл к колодцу набирать воду и мыть зелень. Нин Гуйчжу остался стоять рядом без дела, и взгляд его сам собой упал на Сюн Цзиньчжоу, занявшегося мытьём овощей.

Вдруг в районе щиколотки защекотало; Нин Гуйчжу опустил голову и увидел, что это маленький пушистый комочек тёрся о его ногу. Заметив, что на него смотрят, он тут же улёгся на месте и перевернулся, подставляя брюшко.

Нин Гуйчжу на мгновение замер, затем присел на корточки и осторожно погладил щенка по голове.

— Гав! Гав-гав!

Тонкий, писклявый лай донёсся сбоку сзади, и только тут Нин Гуйчжу заметил, что там есть ещё один щенок.

Сюн Цзиньчжоу, услышав звук, поднял голову, нахмурился и строго одёрнул:

— Не лаять.

Увидев, как щенок испуганно замолчал, Нин Гуйчжу машинально сказал, что всё в порядке.

— Не боишься? — сначала переспросил Сюн Цзиньчжоу, затем, помедлив, добавил: — Хорошо.

Услышав, как он сам же и поставил точку в разговоре, Нин Гуйчжу невольно улыбнулся: похоже, нервничал здесь не только он один.

Он убрал руку, которой гладил щенка, выпрямился и спросил:

— Уже довольно поздно... когда остальные члены семьи вернутся?

С детства лишённый родителей, Нин Гуйчжу почти не имел опыта общения с родными, поэтому в этот момент не смог сразу подобрать какие-то близкие, тёплые обращения и нарочно сказал расплывчато.

Сюн Цзиньчжоу выловил вымытые овощи, стряхнул с них воду и ответил:

— Я живу отдельно. Отец с матерью и семья старшего брата - в доме впереди. Вечером отведу тебя туда познакомиться.

— А... хорошо, хорошо, — откликнулся Нин Гуйчжу.

Он с некоторым удивлением посмотрел в сторону стоящего неподалёку дома из серого кирпича с черепичной крышей. В голове промелькнули сюжеты из прочитанных когда-то романов: раздельное проживание семьи обычно скрывало за собой какую-нибудь историю. Однако, вспомнив старшую невестку, которая с утра хлопотала вокруг него с лекарствами и едой, Нин Гуйчжу тут же отбросил все подобные домыслы. Наверное, просто потому, что должность начальника стражи хорошо оплачивалась, он и построил себе отдельный дом.

Закончив мыть овощи, Сюн Цзиньчжоу понёс их на кухню, и Нин Гуйчжу машинально последовал за ним. Заметив это, Сюн Цзиньчжоу стал вести себя чуть более скованно; он помедлил, словно вспоминая, что делать дальше, затем поднял руку, достал из угла ключ, открыл дверцу шкафа, вынул масло и соль и негромко сказал:

— Я не очень умею готовить. Если тебе не понравится, позже можем пойти туда и поесть.

Нин Гуйчжу слегка опешил - на лице собеседника промелькнула едва заметная неловкость. Он тихо кашлянул и, шагнув вперёд, сказал:

— Тогда... может, я приготовлю?

Расстояние между ними сократилось.

Сюн Цзиньчжоу плотно сжал губы и, лишь слегка опустив взгляд, уже видел перед собой лицо нового фулана - поразительной, почти ослепительной красоты. Голос его прозвучал низко:

— Хорошо.

Нин Гуйчжу под его пристальным взглядом чувствовал себя крайне неловко, и, услышав это короткое согласие, наконец-то смог выдохнуть с облегчением. Он протянул руку, чтобы взять у Сюн Цзиньчжоу то, что тот держал, и одновременно спросил:

— А как этим пользоваться? — сказав это, он тут же понял двусмысленность и поспешно добавил: — Я имею в виду, нужно ли экономить? Я готовлю так, что масла и соли уходит больше обычного.

Сюн Цзиньчжоу убрал руку, уклоняясь от его жеста, и, неся вещи к очагу, покачал головой:

— Не нужно. Можно купить ещё.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу, закатав рукава, сел перед очагом, собрал немного лучины и сложил её в топку. Оглянувшись вокруг, он уже было уселся, как заметил сбоку от отверстия для растопки

небольшое углубление, в котором лежали две вещи.

Огниво?

Он протянул руку, достал их и разглядел характерные следы от высекания огня.

Сюн Цзиньчжоу как раз раскладывал продукты на столе; заметив, что Нин Гуйчжу нашёл камни, он протянул руку и сказал:

— Давай я разведу огонь. Завтра куплю огниво-палочку.

Нин Гуйчжу машинально вложил находку ему в руку, но, услышав это, покачал головой:

— Не нужно, я умею этим пользоваться.

Сюн Цзиньчжоу слегка удивился, подтверждённое это в его взгляде, но почти сразу же понял, что Нин Гуйчжу и должен уметь обращаться с такими вещами.

С момента окончания военных смут прошло всего несколько лет, жизнь только начала входить в колею; раньше людям жилось трудно, и до того, как Нин Гуйчжу попал служить в богатый дом, ему приходилось как-то выживать, так что подобные вещи были ему знакомы.

Сюн Цзиньчжоу разорвал трут на мелкие клочки, поместил кресало в центр и, ударя по нему другим камнем, быстро высек искры, которые упали на трут и воспламенили его. Увидев это, Нин Гуйчжу наклонился, положил сверху сломанные тонкие веточки и, дождавшись, пока они разгорятся, добавил более толстые поленья. Когда огонь был налажен, на очаг поставили сковороду, а на столе рядом уже лежали подготовленные продукты.

Сюн Цзиньчжоу сказал:

— В доме всего один ма-шао. Если чего-то нужно, завтра съездим в уезд, я дам тебе денег.

Нин Гуйчжу на секунду задумался и лишь потом вспомнил, что в древности длинную поварёшку для сковороды называли ма-шао. Он откликнулся и, поднявшись, посмотрел на продукты на столе: помимо только что перебранной зелени там лежали ещё два яйца, а Сюн Цзиньчжоу как раз резал мясо.

Такой стол... оказался неожиданно щедрым.